

В. В. Мальцев, Н. С. Новоселова

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО МОТИВА В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье рассматриваются вопросы формирования экстремистского мотива на различных этапах развития российского законодательства. Определяется актуальность нормативно-правового регламентирования противодействия преступности экстремистской направленности, так как сегодня экстремизм — это разрушительная сила, представляющая угрозу современному человечеству, эффективно противостоять которой можно с помощью правовой базы по противодействию экстремистским проявлениям.

Авторы, выделяя этапы и анализируя основные законодательные памятники российского права, изучают историю формирования, дальнейшей трансформации и сложившуюся в настоящее время ситуацию с закреплением в российском законодательстве норм, предусматривающих ответственность за совершение общественно опасных деяний с экстремистским мотивом.

На основе исторического исследования и с учетом негативной динамики преступлений экстремистской направленности обосновывается необходимость совершенствования понятийной базы антиэкстремистского законодательства, национальной нормативно-правовой системы противодействия экстремистским проявлениям.

Ключевые слова: право, история, мотив, квалификация, возбуждение ненависти или вражды, мотив политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды, экстремизм, экстремистский мотив, преступления экстремистской направленности, законодательство, противодействие экстремизму.

V. V. Maltsev, N. S. Novosyelova

HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE FORMATION OF EXTREMIST MOTIVE IN THE RUSSIAN LEGISLATION

The article deals with the extremist motive formation in different periods of the Russian legislation development and topical problem of law regulation to counteract extremism-related crimes. Today extremism is said to be a destructive force representing a threat to the modern humanity that can be effectively prevented by means of a legal base to counteract extremism-related crimes.

Distinguishing the stages and analyzing the basic legislative folios of the Russian law, the authors of the article consider the history of the formation, further transformation and present-day status quo in regard to the fixation rules in the Russian legislation providing responsibility for socially dangerous acts with the extremist motive.

Basing on the historical research and negative trend in extremism-related crimes dynamics, the authors justify the necessity to improve the conceptual base of the anti-extremist legislation and national legal system to counteract extremism-related manifestation.

Key words: law, history, motive, qualification, provocation of hatred or hostility, a motive of political, ideological, racial, ethnic or religious hatred or hostility, extremism, an extremist motive, extremism-related crimes, legislation, to counteract extremism.

Экстремизм в свете последних мировых событий следует рассматривать как широкомасштабное явление, представляющее угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства и требующее самого пристального внимания. Идеология разжигания ненависти и вражды разрушительна. В ноябре 2014 г. на заседании Совета Безопасности при рассмотрении проекта Стратегии противодействия экстремизму в России до 2025 г. Президент РФ В. В. Путин в своем выступлении подчеркнул, что экстремизм посягает на права и свободу граждан, а подчас прямо на их

жизнь, несет угрозу национальной безопасности, способен кардинально разбалансировать политическую, экономическую и социальную системы [1].

Осознание экстремизма как общенациональной проблемы нашло отражение и в Указе Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», в котором отмечено, что в будущем получают развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под

лозунгами религиозного радикализма, которые являются основными источниками угрозы национальной безопасности [2].

Для повышения эффективности противодействия проявлениям экстремизма необходимо постоянно совершенствовать правовое поле. В настоящее время также нуждается в совершенствовании ряд дефиниций и положений антиэкстремистского законодательства.

Экстремизм — явление не новое для России. Е. П. Сергун отмечал, что «экстремизм — неизменный спутник российской истории: и во времена самодержавного деспотизма, и в советский период, и на современном этапе существенное место в политическом процессе занимали и занимают экстремистские партии, движения, настроения и действия» [3, с. 16]. Как следствие, в законодательстве России более ранних периодов уже содержались нормы, предусматривающие ответственность за преступления экстремистской направленности, и выделялся специальный мотив их совершения.

Историческое исследование формирования в российском законодательстве норм, предусматривающих ответственность за совершение деяний с экстремистским мотивом, дает возможность выделить ряд этапов формирования понятия мотива ненависти и вражды в правовых актах России различных периодов.

На первом этапе возникновения российской государственности, появления имущественного неравенства как следствие начинают совершаться преступления, направленные против государственного строя и установленного порядка управления.

Русская Правда, важнейший законодательный памятник Древнерусского государства, считая преступными только такие деяния, которые наносили непосредственный ущерб конкретному человеку — его личности или имуществу, не выделяла мотива ненависти или вражды. С образованием Русского централизованного государства появился новый род преступлений, неизвестный Русской Правде и лишь намеченный в Псковской Судной грамоте. Это государственные преступления, которые обозначены в Судебнике 1497 г. как «лихое дело» [4, с. 28]. В статье 9 Судебника 1497 г. был выделен ряд таких преступлений: «А государскому убойце и коромолнику, церковному татю, и головному, и подымщику, и зажигалнику, ведомому лихому человеку живота не дати, казнити его смертною казнью» [4, с. 55]. Судебник 1550 г. помещает перечень особо тяжких государственных преступлений в статью 61 [4, с. 108]. Это период укрепления царской власти и

возникновения правовых норм, направленных на ее защиту.

Соборное Уложение 1649 г. является первым печатным памятником русского права. В статье 1 главы 2, закрепившей составы государственных и политических преступлений, впервые выделялось понятие умысла на совершение преступного деяния против царя, что влекло за собой смертную казнь: «Будет кто каким умыслом учнет мыслить на государское здоровье злое дело, и про то его злое умышление кто известит, и по тому извету про то его злое умышление сыщется допряма, что он на царское величество злое дело мыслит, и делать хотел, и такова по сыску казнить смертию» [5, с. 86].

Следующий этап связан с реформами Петра I, которые были направлены на укрепление власти монарха и ужесточение ответственности за противодействие государственному строю.

В российском государстве действовал принцип свободы вероисповедания. Русские, запрещая пропаганду протестантизма и католицизма, не только не обращали иностранцев в свою веру, но для тех, кто состоял на русской службе, разрешалась постройка своих храмов. Первая кирка была построена в Москве в 70-х гг. XVI в., а с конца XVII в. под иностранные храмы были выделены специальные земли. Это право было узаконено Указом Петра I от 1702 г. [5, с. 432].

На следующем этапе попытка дифференцировать уголовную ответственность за совершение деяний «вследствие побуждений, проистекших из вражды религиозной, племенной или сословной» была сделана в ст. 269.1 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885 г.) [6, с. 264].

О таком же мотиве законодатель говорит в ст. 122 Уголовного Уложения 1903 г., описывая деяния, совершенные в «публичном скопище... вследствие побуждений, проистекающих из вражды религиозной, племенной или сословной...» [7, с. 51].

Ответственность за преступления, посягающие на отношения в сфере равноправия граждан, независимо от их национальных, расовых и иных особенностей в России впервые была установлена в советский период ее истории. После Октябрьской революции 1917 г. законодательство об ответственности за преступления экстремистской направленности было представлено лишь декретами и обращениями Совета народных комиссаров (обращение СНК от 11 ноября 1917 г. «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира», обращение СНК от 30 ноября 1917 г. «О подавлении контрреволюционного восстания буржуазии, руководимого кадетской партией» и т. д.). 19

декабря 1917 г. создается революционный трибунал, в инструкции Наркомюста трибуналу приводится ряд деяний, относимых к юрисдикции последнего, совершенных с политическим мотивом [8].

УК РСФСР, вступивший в силу 1 июня 1922 г., в ст. 57 закрепил понятие контрреволюционных преступлений, определение которого уже было дано ранее в постановлении ВЦИК от 5 января 1918 г. «О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе те или иные функции государственной власти». В частности, «контрреволюционным признавалось всякое действие, направленное на свержение завоеванной пролетарской революцией власти рабоче-крестьянских Советов и существующего на основании Конституции РСФСР Рабоче-Крестьянского Правительства, а также действия в направлении помощи той части международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и т. п. средствами» [9]. Статья 83 УК РСФСР 1922 г. предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок не ниже одного года со строгой изоляцией за агитацию и пропаганду всякого рода, заключающуюся в возбуждении национальной вражды или розни. Причем наказание повышалось до высшей меры в случае совершения данного деяния во время войны.

Глава 1 УК РСФСР 1926 г. содержит довольно обширный перечень контрреволюционных преступлений, помещая при этом ст. 59.6, предусматривающую аналогично предыдущему УК РСФСР 1922 г. ответственность за возбуждение национальной вражды и розни, в главу 2 «Преступления против порядка управления» [10].

В статье 66 УК РСФСР 1960 г. в главе «Государственные преступления» законодатель впервые выделил особый, политический, мотив как обязательный признак при квалификации убийства государственного или общественного деятеля либо представителя власти как террористического акта [11, с. 148]. В то время как ст. 74 УК РСФСР предусмотрела уголовную ответственность за умышленные действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды или розни, унижение национальной чести и достоинства, пропаганду исключительности либо неполноценности граждан по признаку отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, а равно прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от

их расовой, национальной принадлежности или отношения к религии [11, с. 155].

Позднее Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 июня 1972 г. «О внесении дополнений и изменений в Уголовный кодекс РСФСР» введена ст. 7.1, которая, среди прочих, к тяжким преступлениям относилась нарушение равноправия граждан по признаку расы, национальности или отношения к религии при отягчающих обстоятельствах [12].

Закон РФ от 29 апреля 1993 г. № 4901-1 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР» дополнил список отягчающих обстоятельств совершения умышленного убийства, предусмотренный ст. 102 УК РСФСР, пунктом «м» — совершение данного деяния на почве национальной или расовой вражды или розни [13].

8 апреля и 11 сентября 1989 г. были приняты указы Президиума Верховного Совета СССР и РСФСР, которые криминализировали в рамках ст. 74 УК РСФСР деяния, основанные на национальной или расовой вражде или розни.

Затем последовал период, связанный с активным поиском концепции противодействия экстремизму, который стал носить наряду с политическим религиозный, национальный или расовый характер.

Как отмечает А. С. Лаврив, впервые термин «экстремизм» и однокоренные ему понятия в отечественном законодательстве упоминаются еще в Указе Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 г. № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации», в постановлении Правительства Российской Федерации от 10 марта 1999 г. № 270 «О федеральной целевой программе по усилению борьбы с преступностью на 1999—2000 годы» [14, с. 153].

Принятый в 1996 г. УК РФ включал ряд норм о преступлениях, содержащих признаки экстремизма. Позже в кодекс были включены нормы, устанавливающие ответственность за преступления экстремистской направленности. В статье 282.1 содержалось определение данного понятия. Здесь были закреплены мотивы преступления экстремистской направленности: идеологические, политические, расовые, национальные или религиозные, а также ненависти или вражды.

24 июля 2007 г. с принятием Федерального закона № 211-ФЗ статья 282.1 УК РФ получила новую редакцию, а в примечании к ней дано другое понятие преступления экстремистской

направленности: это преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части УК РФ и пунктом «е» части первой статьи 63 УК РФ [15].

Мотиву преступлений экстремистской направленности призывает уделять внимание в своем постановлении Пленум Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», указывая, что преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, следует отграничивать от преступлений, совершенных на почве личных неприязненных отношений [16].

Экстремистская мотивация имеет непосредственное значение не только при квалификации данной группы преступлений, а, в первую очередь, при определении круга преступлений экстремистской направленности, так как именно мотив определяет непосредственный объект посягательства. В данном случае он утрачивает факультативный характер и становится обязательным элементом субъективной стороны состава, подлежащим неременному доказыванию.

Согласимся с мнением С. Н. Поминова о том, что «именно мотивы и цели превращают любое преступное деяние в экстремистское» [17, с. 22].

Необходимо отметить, что само понятие «экстремизм» ни в Конституции РФ, ни в УК РФ не раскрывается. В России определение экстремизма основывается на нормах Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Законодатель отказался от того, чтобы дать четкое и емкое определение понятия «экстремистская деятельность». Вместо этого правоприменителю предложен перечень деяний, входящих в объем данного понятия. Среди прочего экстремистским признается любое деяние, совершенное по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, то есть по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы [18].

Актуальность проблемы заставляет законодателя постоянно ставить вопрос о совершенствовании нормативно-правовой базы противодействия экстремистской деятельности. В

2015 г. в России наметилась негативная тенденция в динамике преступности экстремистской направленности: таких преступлений было зарегистрировано 1 329, что на 28,5 % больше, чем в 2014 г. (1 034). Рост числа преступлений этого вида отмечен в 56 субъектах Российской Федерации. Количество таких преступлений, как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), возросло почти на 40 % по сравнению с 2014 г. [19]. В то же время в своем докладе еще в 2013 г. Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ЕКРИ) Совета Европы отмечала, что антиэкстремистским законодательством в России иногда злоупотребляют или же его используют чрезмерно в отношении тех, кто выражает политически непопулярные взгляды, некоторых правозащитников и членов недоминирующих религиозных сообществ, чьи публикации также запрещаются как экстремистские, а их члены подвергаются преследованиям. Комиссия настойчиво рекомендовала властям пересмотреть определение экстремизма в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», в частности изменить закон так, чтобы понятие «экстремизм» распространялось лишь «на серьезные случаи, связанные с ненавистью и насилием» [20]. В то же время депутаты от ЛДПР неоднократно заявляли о необходимости упразднения статьи 282 УК РФ, которая устанавливает ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение человеческого достоинства. Они считают, что в данной статье нечетко обозначен состав преступления и под «возбуждение ненависти или вражды» совсем не сложно подвести высказывания или деятельность любого гражданина из-за его отличных от других идеологических интересов.

Законодательство не стоит на месте, оно постоянно изменяется в соответствии с реалиями настоящего. В принятой в 2014 г. Стратегии противодействия экстремизму в России до 2025 г. уже сформулированы определения понятий «идеология экстремизма (экстремистская идеология)», «проявления экстремизма». В частности, к экстремистским проявлениям отнесены общественно опасные и противоправные деяния, совершаемые по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также деяния, способствующие возникновению или обострению межнациональных, межконфессиональных и региональных конфликтов [21]. Дальнейшим шагом

законодателя представляется закрепление в нормативных правовых актах понятия экстремистского мотива, тем более что такая необходимость уже назрела.

Ужесточение антиэкстремистского законодательства, в частности принятый «закон Яровой», в настоящее время вызывает оживленную дискуссию как в обществе, так и среди парламентариев. Однако на фоне событий, происходящих в стране и мире, не вызывает сомнений дальнейшее совершенствование законодательного поля в самое ближайшее время.

Список библиографических ссылок

1. Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 05.08.2016).
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.
3. Сергун Е. П. Экстремизм в Российской Федерации: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Саратов, 2005.
4. Российское законодательство X—XX веков. М., 1984. Т. 2.
5. Российское законодательство X—XX веков. М., 1984. Т. 3.
6. Таганцев Н. С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. Санкт-Петербург, 1908.
7. Новое уголовное уложение, утв. 22 марта 1903 г.: указ. Санкт-Петербург: кн. маг. В. П. Анисимова, 1903.
8. Статья 170 Инструкции революционному трибуналу «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942.
9. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 05.08.2016).
10. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. URL: https://ru.wikisource.org/wiki (дата обращения: 05.08.2016).
11. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. Л., 1960.
12. О внесении дополнений и изменений в Уголовный кодекс РСФСР: указ Президиума Верховного Суда РСФСР от 23 июня 1972 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР: закон РФ от 29 апреля 1993 г. № 4901-1 // Рос. газ. 1993. 27 мая.
14. Лаврив А. С. Краткий анализ постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2011. № 4 (29). С. 153—157.
15. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: федер. закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ (с изм. от 22.02.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 // Бюллетень Верховного суда РФ. 2011. № 8.
17. Поминов С. Н. Организация деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия проявлениям религиозного экстремизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
18. О противодействии экстремистской деятельности: федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Рос. газ. 2002. 30 июля.
19. Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф> (дата обращения: 06.05.2016).
20. Доклад о Российской Федерации Европейской комиссии против расизма и нетерпимости (четвертый цикл мониторинга). URL: <http://www.coe.int/t/dghl/monitoring/ecri/Country-by-country/Russia/RUS-CbC-IV-2013-040-RUS.pdf> (дата обращения 06.08.2016).
21. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г. № Пр-2753). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Мальцев В. В., Новоселова Н. С., 2016